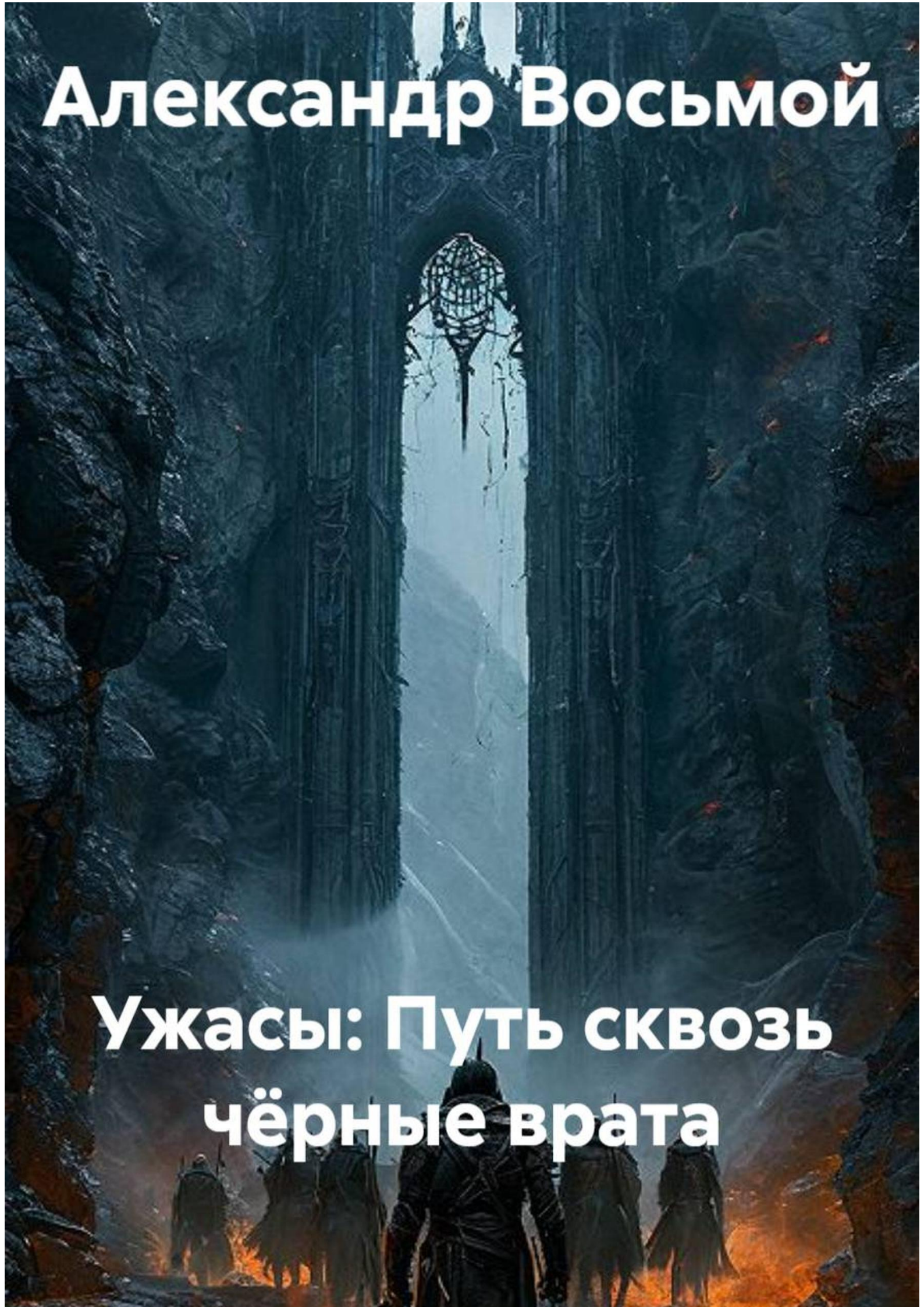

Александр Восьмой

**Ужасы: Путь сквозь
чёрные врата**

Александр Восьмой

Ужасы: Путь сквозь чёрные врата

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы: Путь сквозь чёрные врата / А. Восьмой — «Автор», 2026

Путь сквозь чёрные врата. Между мирами существуют врата, ведущие в пустоту, где нет ни света, ни звука, ни надежды, лишь демоны. Отряд воинов должен пройти через них, чтобы остановить вторжение. Но врата проверяют не силу, а волю: кто выживет в демоническом аду сможет пройти чёрные врата. Тёмное фэнтези с акцентом на психологическую нагрузку и жертвенность.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы: Путь сквозь чёрные врата

Глава 1. «Крик перед тишиной»

Пепел кружился в воздухе, оседая на доспехах, словно серая пыль веков, стирающая имена. Проклятая долина лежала перед отрядом, будто застывшая в вечном вздохе: ни ветер не шевелил обугленные стебли травы, ни птицы не нарушали эту неестественную тишину — лишь где-то вдалеке, будто сквозь толщу воды, доносился шёпот. Он не имел слов, но каждый слышал в нём что-то своё: кто-то — голос матери, кто-то — последние слова павшего товарища, а кто-то — собственный страх, наконец обретший голос.

Лагерь стоял на самом краю долины — не из камня и не из дерева, а из теней и усталости. Пламя костров горело тускло, будто само пространство высасывало из огня жизнь. Воины сидели молча, избегая смотреть друг другу в глаза: в отражении чужого взгляда можно было увидеть то, чего не хотелось признавать — сомнение.

Командир стоял у края лагеря, высокий и прямой, будто сам пытался стать опорой для тех, кто дрожал внутри. В его руках был свиток — не бумага, а тонкая пластина из чёрного стекла, на которой слова светились багровым, будто написанная кровью история. Он зачитывал приказ, и каждое слово падало в тишину, как камень в бездонный колодец:

— Врата должны быть закрыты любой ценой. Это не просьба. Это приговор, который мы исполняем.

Никто не спросил «какой ценой». Все и так знали: ценой будет не только кровь, но и воля, и память, и, возможно, сами души.

Среди воинов был юноша по имени Кай — самый молодой в отряде. Его пальцы нервно сжимали рукоять меча, будто он надеялся, что холод стали прогонит холод внутри. Этой ночью ему снились бесконечные коридоры без дверей — длинные, пустые, с гладкими стенами, которые поглощали звук шагов. Он шёл и шёл, но не приближался ни к чему, и в какой-то момент понял, что не слышит даже собственного дыхания. Когда он проснулся, холодный пот стекал по спине, а в ушах всё ещё звенело эхо этого безмолвия. Он не рассказал никому — но его взгляд выдавал: он уже видел пустоту.

Рассвет пришёл не как освобождение, а как предвестник беды. Небо окрасилось в цвета запекшейся раны — багровое, с прожилками чёрного, будто сама атмосфера кровоточила. И там, на границе мира, где земля теряла свою суть, стояли Чёрные врата.

Они не были построены руками. Не из камня, не из металла, не из дерева — они были словно прорезь в самой ткани реальности. Края этой прорези пульсировали тьмой, будто живое существо дышало через рану. Иногда по поверхности врат пробегали волны, искажая пространство вокруг: трава рядом с ними росла под неестественными углами, камни крошились в пыль, едва коснувшись границы тьмы.

Отряд двинулся вперёд, шаг за шагом, и с каждым шагом воздух становился тяжелее, будто плотность мира увеличивалась, сопротивляясь их движению. Командир шёл первым, его тень растягивалась и искажалась, будто пыталась оторваться от него и убежать. Остальные следовали за ним, стараясь не смотреть по сторонам — потому что стоило задержать взгляд на чём-то слишком долго, как предмет начинал меняться: рукоять меча казалась чужой, лицо товарища — маской, а собственные руки — будто принадлежали кому-то другому.

Когда они подошли к вратам вплотную, тишина стала почти осязаемой. Она давила на уши, на грудь, на разум, заставляя мысли рассыпаться, как песок сквозь пальцы. Кай почувствовал, как его сердце бьётся всё быстрее, а воздух в лёгких становится густым, почти твёрдым. Он хотел закричать — просто чтобы услышать свой голос, убедиться, что он ещё здесь, — но слова застряли в горле, словно сама пустота не позволяла звуку родиться.

Командир остановился в шаге от врат. Его рука поднялась, и на мгновение показалось, что тьма тянется к нему, как голодный зверь. Он повернулся к отряду, и в его глазах была не решимость, а признание: он знал, что первый шаг будет стоить ему чего-то важного.

— Мы идём не ради славы, — сказал он, и его голос прозвучал странно, будто эхом из другого мира. — Мы идём, чтобы не дать этому проникнуть в наш. Помните, кто вы. Держите это в себе, как огонь. Даже если тьма попытается его погасить.

Он шагнул вперёд.

И мир исчез.

Не было вспышки, не было грома, не было даже ощущения движения — просто в один миг пространство вокруг перестало существовать. Остались только тьма, давление и тишина, которая теперь не просто отсутствовала — она стала присутствием, живым, хищным, изучающим.

Кай сделал следующий шаг, и в этот момент он понял, что первый шаг действительно был тяжелее любого боя — потому что в бою ты сражаешься с врагом, которого видишь. А здесь врагом было само отсутствие всего.

Тьма шевельнулась.

И прошептала его имя.

Глава 2. «Где исчезает эхо»

Переход не был падением — он был стиранием.

Каждый воин исчезал из привычного мира по очереди, будто реальность вычёркивала их из бытия, страницу за страницей. Кай шёл следом за командиром, и в тот миг, когда его нога пересекла границу врат, ощущение опоры пропало — не как при падении с обрыва, а как будто сама концепция «низа» перестала существовать. Пространство вокруг не имело направления: ни верха, ни низа, ни сторон света. Здесь не было гравитации, которая могла бы подсказать, где ты, — только бесконечное, тягучее ничто, обволакивающее, как густой чёрный мёд.

Время тоже потеряло смысл. Миг мог длиться вечность, а вечность — вспыхнуть и исчезнуть за долю секунды. Кай пытался считать удары сердца, но ритм сбивался: то сердце замирало, то вдруг колотилось так, будто хотело вырваться из груди, а потом снова затихало, будто пугалось собственного звука. Он протянул руку вперёд — и не увидел её. Не потому, что было темно, а потому, что тьма здесь не поглощала свет — она поглощала сами предметы, размывая их очертания до полной неразличимости.

Когда отряд наконец собрался вместе — если слово «вместе» вообще имело смысл в этом месте — воины поняли: они стоят не на земле, не на полу, не на какой-либо поверхности. Они просто были. Вокруг них клубилась пустота, плотная и вязкая, словно воздух превратился в смолу. И в этой смоле скользили тени — не как обычные тени от предметов, а как самостоятельные сущности, повторяющие каждое движение людей с крошечной, едва уловимой задержкой.

Кай заметил это первым. Он чуть повернул голову — и тень на периферии зрения повторила движение спустя мгновение, будто издеваясь. Он моргнул — тень моргнула позже. От этого несоответствия по спине пробежал ледяной озноб: казалось, будто кто-то крадёт его движения, присваивает их, чтобы позже использовать против него.

— Здесь нет пространства, — хрипло произнёс командир, и его голос прозвучал странно: не как звук, а как вибрация внутри черепа. — Здесь есть только отсутствие. И оно живое.

Один из бойцов, крепкий и молчаливый воин по имени Торан, не выдержал. Он закричал — громко, яростно, вкладывая в крик всю свою злость и страх, пытаясь пробить эту давящую тишину. Но крик не прозвучал. Он родился в горле, рванулся наружу — и растворился, не успев стать звуком. Словно пустота жадно проглотила его, даже не дав родиться. Торан смотрел

на товарищей с широко раскрытыми глазами, полными ужаса, и шевелил губами, но ни один звук не дошёл до их ушей.

Это было страшнее любого клинка. В бою ты видишь врага, чувствуешь удар, можешь ответить. Здесь врагом была сама невозможность быть услышанным, невозможность оставить след в мире.

Тени становились смелее. Они уже не просто повторяли движения — они начали слегка искажать их: когда Кай поднимал руку, тень поднимала её под другим углом, будто показывая, как можно было бы сделать это движение, чтобы оно стало оружием. Когда командир делал шаг вперёд, тень делала шаг в сторону, намекая на побег. Это было похоже на тихий шёпот: «Ты можешь поступить иначе. Ты можешь сдаться».

Кай почувствовал, как в груди нарастает паника — густая, тяжёлая, мешающая дышать. Он хотел схватить кого-нибудь за руку, убедиться, что рядом есть живой человек, но боялся даже пошевелиться: а вдруг в момент движения он потеряет связь с реальностью окончательно?

Командир сделал шаг вперёд — не к какой-то цели, а просто чтобы показать: они всё ещё могут двигаться. Его тень скользнула следом, но на этот раз не повторила движение, а опередила его на долю секунды, будто пытаясь перехватить инициативу. Командир резко остановился, и тень замерла, словно споткнувшись. В этот миг он понял: тени не просто копируют — они учатся. И чем дольше отряд здесь пробудет, тем умнее и опаснее они станут.

— Не смотрите на них, — приказал командир, и на этот раз его слова прозвучали не как звук, а как приказ, отпечатавшийся прямо в сознании каждого. — Смотрите друг на друга. Держите взгляд. Держите связь. Здесь тишина — оружие, а страх — топливо для демонов. Пока мы помним, кто мы, у нас есть шанс.

Воины медленно повернулись друг к другу, стараясь не терять зрительный контакт. В их взглядах читался ужас, но в нём же была и решимость: они не собирались становиться просто тенями в этой пустоте.

Но стоило им сосредоточиться друг на друге, как пустота нашла новый способ атаковать. Она начала стирать детали. Сначала исчезли мелкие черты: шрамы, родинки, отдельные пряди волос. Потом стали размываться лица, теряя индивидуальность, становясь похожими друг на друга — безликими, одинаковыми масками. Кай смотрел на командира и с ужасом понимал, что уже не может вспомнить, какого цвета у того глаза. Он знал, что они были серыми, но теперь перед ним было просто лицо без цвета, без выражения, будто кто-то стёр все оттенки.

— Держите воспоминания! — снова прозвучал голос командира, на этот раз уже не словами, а чистой волей, пробивающейся сквозь пустоту. — Вспоминайте свои имена. Вспоминайте, откуда вы. Вспоминайте тех, кто ждал вас дома. Это всё, что у нас осталось.

Кай зажмурился и попытался удержать в голове образ родного дома: старую деревянную дверь, которую он чинил каждое лето, запах дождя на нагретых камнях, смех сестры. Но образы были хрупкими, как стекло, и пустота пыталась вытравить их, заменить безликой тьмой. Он чувствовал, как воспоминания ускользают, растворяются, словно их никогда и не было.

В этот момент тень командира шевельнулась — но не как отражение, а как самостоятельная фигура. Она сделала шаг вперёд, и на миг её очертания стали почти человеческими: высокий силуэт, прямая осанка, знакомая поза. Но лицо было пустым, без черт, и из этой пустоты на отряд смотрела сама пустота.

Тишина больше не была отсутствием звука. Она стала присутствием — живым, внимательным, изучающим. И она ждала, когда воины сдадутся, когда их воля ослабнет настолько, что тени смогут занять их места, а сами они станут просто ещё одной частью пустоты.

Командир медленно поднял меч. Сталь не издавала ни звона, ни шелеста — звук здесь не жил. Но сам жест был важен: это был вызов. Это было заявление: «Мы здесь. Мы существуем. Мы не позволим вам стереть нас».

И в тот миг, когда клинок коснулся границы тени, пустота вздрогнула.

Не от боли — от удивления.

Она не ожидала, что кто-то посмеет сопротивляться.

Глава 3. «Голоса, которых не должно быть»

Пустота не умела говорить — но она умела красть голоса.

Сначала это были лишь обрывки: невнятный шёпот, похожий на эхо из забытого сна. Потом шёпот сложился в слова. А слова — в имена.

Кай услышал голос сестры. Тот самый, звонкий, с лёгкой насмешливой интонацией, которая всегда заставляла его хмуриться: «Ты опять ушёл, Кай. Опять оставил меня одну». Голос звучал не снаружи — он рождался прямо в голове, будто воспоминание вдруг обрело силу и решило его судить. Кай стиснул зубы, пытаясь отогнать звук, но тот не исчезал. Он был слишком реальным: в нём слышался запах летнего сада, шелест травы под босыми ногами — всё то, что Кай так старательно прятал в глубине памяти, чтобы не чувствовать вины.

Рядом с ним Торан вдруг замер, его плечи опустились, а пальцы, сжимавшие рукоять топора, побелели. Он смотрел в пустоту, но видел не тьму — в ней проступал силуэт молодого воина, почти мальчишки, с широкой улыбкой и вечно спутанными волосами. Это был Рин — его младший брат, павший в битве у Чёрных скал.

— Ты обещал, что вернёшься, — сказал голос Рина, и в нём не было злости — только горькая обида ребёнка, которого оставили одного. — Ты обещал, что мы снова будем охотиться у реки.

Торан открыл рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле: здесь, в пустоте, звук растворялся, не успев родиться. Он хотел шагнуть вперёд, схватить этот призрачный силуэт, прижать к себе, как делал раньше, когда Рин прятался у него за спиной во время грозы. Но стоило ему протянуть руку, как образ дрогнул и рассыпался на тысячи тёмных искр, а голос продолжил, теперь уже с другой интонацией — холодной и безжалостной:

— А ты просто бежал. Ты всегда бежал, когда становилось страшно.

По лицу Торана скользнула тень — не от внешнего источника, а изнутри, будто стыд стал видимым. Он опустил голову, и на миг показалось, что он готов сдаться, позволить пустоте забрать эту боль, стереть её вместе с воспоминанием.

Командир шёл впереди, стараясь не прислушиваться к голосам, которые шептали ему из темноты. Но они не просили внимания — они вламывались в сознание, как непрошенные гости. Он слышал голос своего учителя, старого мастера клинка, который когда-то говорил ему: «Сила — это не удар, это умение стоять, когда всё рушится». Теперь этот же голос звучал иначе: «А ты рухнул, едва земля дрогнула. Ты повёл их сюда, зная, что шансов нет. Ты — причина их гибели».

Командир сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была настоящей — и это было важно. Боль напоминала, что он ещё здесь, что он не растворился в этой тьме. Он остановился и резко обернулся к отряду, стараясь поймать взгляд каждого, удержать их в реальности.

— Не слушайте! — его голос не прозвучал как звук, но мысль пробилась сквозь пустоту, словно удар клинка по щиту. — Это не они! Это пустота, которая берёт ваши воспоминания и делает из них оружие. Она заостряет каждую рану, чтобы вы сломались. Не давайте ей этого!

Но голоса не умолкали. Они меняли тональности, подстраивались под страхи, находили самые уязвимые места.

Один из воинов, тихий и молчаливый по имени Хару, вдруг начал бормотать что-то себе под нос, прикрывая уши ладонями. Он слышал собственный голос — свой же, из прошлого, когда ему было шестнадцать и он стоял на краю обрыва, дрожа от страха перед первым настоящим боем. «Я не смогу. Я трус. Я не достоин быть воином». Этот голос теперь звучал уверенно, почти спокойно, будто сам Хару уже смирился со своей слабостью.

— Нет, — прошептал Хару, и это слово, едва родившись, тут же начало растворяться в воздухе. — Нет... я не такой.

Он поднял голову и посмотрел прямо перед собой, туда, где сквозь тьму пробивался слабый, едва заметный свет — не от огня, не от солнца, а словно от самой воли, сопротивляющейся пустоте. Этот свет был крошечным, но он существовал. И этого было достаточно.

Кай тоже увидел этот свет — и вдруг понял, что голоса становятся тише, когда он думает не о себе, а о чём-то большем. Он вспомнил приказ командира, вспомнил, зачем они здесь: не ради славы, не ради наград, а чтобы защитить мир, который остался позади. Чтобы не дать этой тьме проникнуть в дома, в сады, в комнаты, где смеются дети.

— Мы не позволим, — произнёс он вслух, и хотя звук снова растворился, сама решимость осталась. — Мы не позволим им стереть нас.

Тени вокруг зашевелились, будто недовольные тем, что их оружие перестало работать. Они скользнули ближе, и теперь в их очертаниях мелькали обрывки лиц — знакомые, но искажённые, с пустыми глазами и кривыми улыбками. Пустота пыталась давить дальше, менять тактику: если голоса не сломали волю, она покажет образы.

Перед Каем вспыхнула картина: его родной дом, объятый пламенем. Сестра выбегает на крыльцо, кричит его имя — но он не может до неё добежать, потому что ноги словно налились свинцом, а воздух стал густым, как смола. Он рванулся вперёд, но пустота лишь усмехнулась этой иллюзией.

— Это не настоящее! — крикнул он, на этот раз не голосом, а всей своей волей. — Это ложь!

И в тот миг, когда он это осознал, пламя погасло, дом растаял, а сестра снова стала просто воспоминанием — тёплым и светлым, без горечи вины.

Командир сделал шаг вперёд, и тени отступили, будто испугавшись чего-то в его решимости.

— Держите связь, — сказал он, и на этот раз его мысль прозвучала в головах всех воинов, как единый приказ. — Держите друг друга. Не позволяйте пустоте разделять вас.

Воины медленно приблизились друг к другу, образуя круг. Они не могли взяться за руки — здесь даже прикосновение казалось ненадёжным, будто реальность ускользала сквозь пальцы. Но они смотрели друг другу в глаза, стараясь удержать в памяти каждую черту, каждый шрам, каждую морщинку — всё, что делало их собой.

Голоса не исчезли полностью. Они всё ещё шептали, пытались пробиться сквозь броню воли. Но теперь они звучали слабее, словно пустота поняла, что отряд не собирается сдаваться без боя.

— Мы пройдем, — тихо произнёс командир, и в его словах не было бравады — только твёрдая уверенность человека, который знает цену каждому шагу. — Мы пройдем сквозь эти врата. И мы не позволим тьме забрать наши души.

Тьма вздохнула — не звуком, а давлением, словно огромный зверь, который понял, что добыча не так проста, как казалось. Но она не отступила. Она лишь затаилась, готовя новые ловушки, новые голоса, новые раны.

Отряд двинулся дальше, шаг за шагом, сквозь шёпот прошлого, сквозь тени сомнений, сквозь тишину, которая хотела их поглотить. Каждый шаг был маленькой победой — победой над собой, над страхом, над тьмой, которая пыталась стереть их память.

И где-то впереди, за пределами видимого, врата ждали.

Глава 4. «Цена одного шага»

Голоса не умолкали. Они перетекали из шёпота в насмешливый смех, из упрёков — в тихие, вкрадчивые обещания: «Тебе не нужно это терпеть. Просто сделай шаг в сторону — там тишина. Там нет боли».

Кай чувствовал, как эти слова проникают под кожу, будто тонкие иглы, раскалённые добела. Они находили каждую трещину в его воле и расширяли её. Рядом с ним дрожал молодой воин по имени Дзин — самый младший в отряде, едва успевший сменить тренировочный клинок на настоящий. Его пальцы сжимали и разжимали рукоять, будто он пытался убедить себя, что сталь — это реальность, а всё остальное — кошмар.

— Я не могу... — прошептал Дзин, и даже это слово не успело стать звуком: пустота жадно проглотила его, оставив лишь горькое послевкусие безмолвия. — Они не перестанут... Они говорят и говорят...

Командир хотел ответить, хотел напомнить, что голоса — лишь иллюзия, но в этот миг тьма сделала новый ход: перед Дзином вспыхнул образ — не мираж, а почти осязаемая картина. Его мать стояла у порога их маленького дома, в той самой позе, в которой он видел её в последний раз: плечи чуть опущены, руки сложены, а в глазах — тихая, терпеливая грусть.

— Ты обещал вернуться, — сказала она, и голос её был не злым, не обвиняющим — от этого он звучал ещё страшнее. — Ты обещал, что это будет твой единственный поход. Что ты не оставишь меня одну.

Дзин попятился. Его взгляд метался между реальностью — тёмной, тягучей, искажающей всё вокруг — и этим образом, который казался единственным островком настоящего.

— Прости, — пробормотал он, и в этом слове было столько боли, что даже тени на периферии зрения будто вздрогнули, словно почувствовали вкус чужой слабости. — Прости, я не могу больше это слышать...

Он рванулся в сторону — не к матери, потому что даже сквозь иллюзию понимал: это ловушка, — а в темноту, туда, где, как ему казалось, голоса не смогут его достать. Туда, где будет просто тишина.

Он сделал шаг. Потом ещё один. И ещё.

А потом исчез.

Не с грохотом, не с криком, не в вспышке пламени — просто растворился в пустоте, будто его никогда и не было. Только на миг воздух дрогнул, словно от лёгкого сквозняка, и снова застыл в своей мёртвой неподвижности.

Кай застыл, его сердце пропустило удар, а потом забилось так бешено, будто хотело вырваться из груди. Он протянул руку туда, где только что стоял Дзин, но пальцы скользнули по чему-то вязкому, словно по поверхности густой воды, и ничего не нашли.

— Дзин! — крикнул Кай, и крик рассыпался в воздухе, не успев родиться.

Тишина ответила ему насмешливым эхом собственного голоса.

Командир медленно опустил руку, которую инстинктивно поднял, будто хотел удержать юношу. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах читалась тяжесть, которую невозможно было скрыть: он только что потерял бойца, и знал, что это лишь начало.

— Здесь нельзя бежать, — произнёс он, и его слова не звучали как звук — они были приказом, высеченным в самой воле отряда. — Здесь бегство — это падение. Здесь можно только идти вперёд. Вместе.

Он расстегнул пояс и вытащил моток грубой верёвки — той самой, что служила им для перевязки ран, для связывания дров, для всего, что могло пригодиться в походе. Теперь она должна была служить иной цели.

— Свяжемся, — сказал командир, и в его голосе не было ни гнева, ни отчаяния — только холодная решимость человека, который принимает на себя ответственность за жизни других. — Каждый держит следующего. Даже если тьма попытается разорвать нас, мы не позволим ей это сделать.

Воины молча кивнули. Никто не спорил. Все видели, что случилось с Дзином. Все понимали: одиночество здесь — смертный приговор.

Торан первым протянул руку и взял конец верёвки. Он обмотал её вокруг запястья, туго затянул узел, проверяя, выдержит ли. Потом передал следующий отрезок Хару, тот — Каю, Кай — следующему, пока кольцо не замкнулось. Теперь они были связаны не просто верёвкой, а общей судьбой.

Но стоило верёвке натянуться, как стало ясно: у этого спасения есть своя цена.

Верёвка не была просто нитью — она стала каналом, по которому пустота могла передавать свои шёпоты. Стоило Каю чуть ослабить внимание, как по волокнам пробегала дрожь, и в голове вспыхивали чужие мысли — не его, но такие знакомые, будто они всегда там были. Он слышал обрывки воспоминаний Торана: запах дыма после битвы, тяжесть мёртвого тела на руках, чувство вины, которое не смывается дождём. Он видел вспышки из памяти Хару: тёмный коридор, дверь, которую нельзя открыть, и страх, такой густой, что его можно было резать ножом.

Это было вторжение. Пустота использовала верёвку как мост, чтобы проникнуть в сознание каждого, чтобы смешать их страхи, сделать их общими, а значит — более разрушительными.

— Держите узлы крепче, — приказал командир, будто чувствуя эту угрозу. — Но не смотрите на верёвку. Не давайте ей стать центром вашего внимания. Смотрите друг на друга. Держите взгляд.

Они двинулись вперёд, шаг за шагом, и каждый шаг теперь был не просто движением — он был испытанием. Верёвка натягивалась и ослабевала, дёргала за запястья, напоминала о том, что один неверный шаг может стоить жизни всем. Если кто-то сорвётся, если кто-то поддастся иллюзии и рванет в сторону, он утянет за собой остальных. Они стали единым организмом — и если одна часть его сломается, рухнет всё.

Тени вокруг них стали плотнее. Они больше не скользили по краям зрения — они наступали, принимая очертания тех, кого воины потеряли. Перед Тораном мелькнул силуэт Рина, но теперь он не упрекал — он звал: «Иди за мной. Здесь спокойно. Здесь никто не будет тебя судить». Торан стиснул зубы, чувствуя, как пальцы сами собой разжимают рукоять топора, будто тело хотело последовать за этим призраком.

— Нет, — выдохнул он, и это слово, хоть и не прозвучало, ударило по тьме, как клинок. — Я здесь. Я с ними.

Он дёрнул верёвку, проверяя связь, и почувствовал ответный рывок — Кай держал крепко. Этого было достаточно, чтобы вернуть себя в реальность.

Пустота не сдавалась. Она меняла тактику, искала новые слабые места. Она показывала не только образы, но и варианты будущего: Кай видел, как верёвка рвётся, и он остаётся один в темноте, навсегда потерянный; Хару видел, как отряд распадается, и каждый идёт своей дорогой, чтобы никогда больше не встретиться. Эти видения были настолько яркими, настолько правдоподобными, что хотелось просто отпустить узел, разорвать связь и бежать от этой тяжести.

Но командир шёл впереди, и его спина была не просто силуэтом в темноте — она была опорой. Он не оглядывался, потому что знал: если он увидит страх в глазах своих воинов, это может сломать и его. Он шёл, чувствуя, как верёвка пульсирует в его руке, будто живое существо, пытающееся нашептать ему свои лживые обещания.

«Ты устал, — шептала тьма через волокна. — Ты не сможешь их спасти. Отпусти. Позволь им идти своим путём».

— Нет, — прошептал командир одними губами, и это отрицание было не ответом тьме — оно было клятвой. — Я доведу их. Даже если это будет стоить мне всего.

Шаг. Ещё шаг. И ещё.

Каждый шаг отдавался в запястьях натяжением верёвки, в груди — тяжестью ответственности, в разуме — борьбой с собственными демонами. Но отряд шёл. Не потому, что был

сильнее тьмы, а потому, что нашёл способ держаться друг за друга, даже когда казалось, что держаться не за что.

Впереди мерцала едва заметная точка — не свет, а просто отсутствие абсолютной черноты. Это мог быть очередной обман, очередная ловушка. Но они шли к ней, потому что это было направление. Потому что движение вперёд было единственным способом не дать пустоте победить.

И где-то в глубине тьмы врата ждали, проверяя их волю, испытывая их решимость, готовясь потребовать ещё большую цену за каждый следующий шаг.

Глава 5. «Осколки света»

Они шли сквозь тьму, где каждый шаг был не просто движением — он был актом сопротивления. Верёвка, связывавшая отряд, стала продолжением их нервов: любое натяжение отзывалось в груди, любое дрожание — в мыслях. Тьма больше не пыталась оглушить их голосами — теперь она давила молчанием, плотным, как свинцовая плита, под которой медленно угасает воля.

И вдруг — свет.

Не яркий, не торжествующий, не обещающий спасения. Тусклый, дрожащий, будто кто-то зажжёт свечу в урагане и теперь она боролась за каждый миг своего существования. Он пробивался сквозь мрак не сверху и не сбоку — он рос из самой пустоты, словно она неохотно, через силу, позволяла этому свету быть.

Перед отрядом лежали кристаллы. Их было с десятков — разной формы, но все одинаково странные, будто не созданные природой, а выплавленные из застывших слёз. Они не сияли, как драгоценные камни, — они тлели, словно угли, готовые вот-вот погаснуть. Их свет не разгонял тьму, а лишь выхватывал из неё отдельные фрагменты: искажённые силуэты, дрожащие линии, обрывки пространства, которые тут же рассыпались, стоило отвести взгляд.

— Не трогайте, — тихо произнёс командир, но его предостережение опоздало.

Кай уже протянул руку.

Он не хотел — но пальцы сами потянулись к кристаллу, будто их манила эта слабая искра, обещающая хоть каплю тепла в ледяном безмолвии. Его пальцы коснулись гладкой, холодной поверхности — и мир взорвался.

Не звуком, не вспышкой, а видением.

Он увидел себя — одинокого, стоящего у Чёрных врат. Но теперь врата были не просто прорезями в реальности — они стали гигантскими, чудовищными, пульсирующими, будто живыми. А он стоял перед ними, и в его глазах не было решимости — только пустота, в которой угасли все чувства. Он был не героем, остановившим вторжение, — он был стражем, навечно прикованным к этому месту, забытым, стёртым из памяти мира.

Видение длилось мгновение — но этого хватило, чтобы Кай почувствовал холод вечного одиночества, будто оно уже начало пропитывать его кожу. Он отдернул руку, и кристалл тускло моргнул, будто усмехнулся.

Рядом Торан, не зная о видении Кая, коснулся другого кристалла — и его лицо исказилось, как от удара. Он увидел, как отряд распадается: воины кричат друг на друга, обвиняя в слабости, в трусости, в том, что они обрекли мир. В его видении Хару выхватывал меч и поворачивал его против командира, а Кай отступал в тень, не решаясь встать ни на чью сторону. И в центре этого хаоса — предательство, холодное и расчётливое, разрывающее их связь в клочья.

Торан отшатнулся, его пальцы судорожно сжали рукоять топора, будто он уже видел перед собой врага.

— Это ложь, — хрипло произнёс командир, и его голос, хоть и не звучал как звук, пробился сквозь видения, как клинок сквозь туман. — Это не будущее. Это тьма, которая кормится вашими страхами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.